

O. Mladenova. Grapes and wine in the Balkans. An ethno-linguistic study. (Balkanologische Veröffentlichungen. Bd. 32. Fachbereich Neure Fremdsprachliche Philologien der Freien Universität Berlin). Harrasowitz Verlag. Wiesbaden, 1998. XVI. + 858 S., 50 Abb., 56 Karten.

Рецензируемый труд ("Виноград и вино на Балканах. Этнолингвистическое исследование") известной болгарской исследовательницы, проживающей в настоящее время в Канаде, вышел при финансовой поддержке фонда Александра Гумбольдта в серии балканологических публикаций, осуществляемых факультетом современной иностранной филологии Берлинского свободного университета.

Книга состоит из трех глав, разделенных на более мелкие разделы, 50 иллюстраций, списка литературы и лексических указателей по языкам, к ней прилагаются также 56 карт. Выбор круга лексики, связанной с виноградарством на Балканах в качестве темы специального исследования, мотивирован целым рядом лингвистических и культурологических обстоятельств. Языки и диалекты Балканского полуострова, который является

одним из древнейших центров виноградарства и виноделия, содержат богатейший фактический материал, отражающий данный вид человеческой деятельности, расположенный в широком хронологическом диапазоне, начиная с древнейших письменных свидетельств у Гомера, греческих и римских античных авторов (Колумеллы, Плиния, Варрона, Афиней и Теофраста) до современных диалектных данных балканских языков (новогреческого, албанского, румынского с его южнобалканскими диалектами, болгарского, сербохорватского, а также турецкого и гагаузского).

Учитывая тот факт, что виноградарство и виноделие были освоены славянами уже после их расселения на Балканском полуострове, особый интерес в рамках данной работы вызывает исследование южнославянской виноградарской терминологии, что

позволяет, с одной стороны, выделить в южнославянских языках заимствованные элементы, а с другой – проследить процессы адаптации исконной славянской лексики (особенно это касается процесса семантических сдвигов, сужения и специализации значений, метафоризации и под.) к новым условиям. Помимо этой специальной задачи, рецензируемая монография помогает точнее представить сложную и прихотливую картину взаимодействия языков балканского региона, причем не только на макроуровне национальных языков, но и на микроуровне отдельных диалектов.

В первой, вводной, главе, названной "Язык как сокровищница созданных обществом знаний", рассматриваются некоторые основные теоретические предпосылки исследования, выполненного в лучших традициях *Wörter und Sachen*, обогащенных при этом современными исследовательскими подходами, в частности, этнолингвистическим. Этнолингвистический метод используется автором для изучения отношений между языком и такой областью хозяйственной деятельности, как виноградарство (последнее рассматривается как сумма действий и "народного знания" [folk knowledge]) при особом внимании к членению действительности, осуществляемой языком, и к классификации выделяемых сегментов. Среди преимуществ этнолингвистического подхода автор отмечает то, что он позволяет профессионально использовать факты языка для более глубокого проникновения в область "народного знания" и обеспечивает исследователей всеми возможными сведениями о виноградарстве, которыми обычно владеют "называтели" (name-givers). Таким образом, данный метод дает возможность рассматривать процесс номинации с точки зрения "назывателей" и обеспечивает лучшее понимание причин, по которым тот или иной предмет обозначается термином, созданным тем или иным образом.

Использование, наряду с этнолингвистическим, сравнительного подхода, характерного для балканского языкознания, обеспечивает создание обширной фактической базы, содержащей сопоставимые единицы, пригодные для дальнейшего исследования. Особое внимание в книге сосредоточено на изучении способов создания новых терминов, выделении разнообразных моделей номинации и попытке понять лежащие в их основе мыслительные процессы. Так одной из важных составляющих акта номинации является, по мысли автора, к л а с с и ф и к а ц и я, когда для мотивации нового термина выбирается один характерный признак или функция мыслительного образа обозначаемого объек-

та. Подобный, однажды сделанный выбор становится основанием для того, чтобы новое слово вошло в класс терминов, образованных по сходной модели мотивации. Так, например, в и н о г р а д н ы е у с ы могут быть классифицированы как з а в и т к и, и з г и б ы или с п и р а л и. Соответственно, относящиеся к ним термины могут войти в состав лексической группы, обозначающей другие, аналогичным образом классифицированные объекты (з а в и т к и в о л о с, н и т е й или в о л о к о н). Поскольку каждый объект рассматривается с разных точек зрения и обладает, по меньшей мере, несколькими признаками, которые способны привлечь внимание создателя термина, то разные термины, относящиеся к одному и тому же объекту, могут войти в разные классы. Те же самые виноградные усы можно интерпретировать как органы, помогающие лозе цепляться и карабкаться. Исходя из вышесказанного делается важный вывод о том, что необходимо вычлнить три уровня, на каждом из которых могут существовать собственные комбинации тождества и различия: (а) уровень определения мыслительного образа; (b) уровень классификации мыслительного образа и соответствующего объекта; (с) лексический уровень (с. 8). При этом автор справедливо предостерегает, что лексическое единство балканских языков весьма обманчиво, поскольку оно далеко не всегда существует и на двух других уровнях. Так, например, народная этимология в разных языках может кардинально перестроить любую классификацию. Кроме того, сами модели номинации зачастую преодолевают границы отдельных языков в процессе семантического заимствования.

Другим существенным моментом для создательницы книги является то, какое значение осуществленные ею подходы могут иметь для исследования семантики в балканском контексте. Пристальное внимание к семантической стороне термина, стремление не упустить из виду мельчайшие детали значений и семантической мотивации, характерные для рассматриваемой книги, находятся в русле современных представлений об особой важности семантических параметров для этимологических исследований.

Как признается О. Младенова, в данной книге этимология является не самостоятельной целью, а скорее средством для достижения неких внешних по отношению к ней целей. Хотя исследование изобилует ссылками на этимологическую литературу, оно не содержит развернутых оценок тех или иных этимологий и, за некоторыми исключениями, не предлагает новых решений на основе реинтерпретации материала. При этом автор

сосредоточивает свое внимание на тех деталях этимологического анализа, которые важны для объекта ее исследования, а именно, на семантической стороне этимологии.

Основное содержание книги раскрывается во второй главе, названной "Тематическое обследование виноградарства на Балканах" и состоящей из трех основных разделов, отражающих различные аспекты виноградарства и виноделия.

Первый раздел второй главы "Народная классификация и названия частей лозы" включает подразделы, посвященные способам и моделям называния виноградной лозы и виноградника, частей лозы и ее плодов. Среди мотиваций названий лозы рассмотрены следующие: виноградная лоза как дерево (рум. *potul vieții* 'дерево жизни', с. 22–23); виноградная лоза как "не-дерево" (среди последних привлекает внимание ассоциация виноградной лозы со змеей, ср. лат. *draco* в значении 'основная, старая часть лозы', эпитеты, прилагаемые одновременно к змее и к лозе: болг. *шарен*, *пъстър*, рум. *pistru*, *târcat*, а также некоторые фольклорные сюжеты, трактующие вино и змею как символы смерти и воскресения и наиболее полно представленные в своей древнейшей балканской части в мифологическом комплексе, связанном с фрако-фригийским божеством Сабазием (с. 25–27). В этом же подразделе при изложении материала, иллюстрирующего модель номинации: гибкий прут > отросток виноградной лозы > виноградная лоза (рум., греч., болг., гагауз.), подробно рассматривается слав. **loza*, производное от **lěziti*, **laziti* и делается справедливое заключение о том, что "распределение **loza* 'vitis vinifera' в славянских языках свидетельствует, что появление значения 'виноградная лоза' может быть отнесено к балканскому периоду истории славянских языков" (с. 29). Здесь же (с. 31–37) описаны следующие модели номинации: вьющееся растение > виноградная лоза (рум. *paviț*, алб. *hardhi*); виноград (ягоды) > виноградная лоза (греч., алб., рум., болг.); виноградник > виноградная лоза (рум. *vie*, греч. *ἀμπέλι*); виноградная лоза как единица целого (ствол, корень, куст > виноградная лоза); виноградная лоза как мать (болг. *майка*, сербско-хорв. *мати*, греч. *μάν(να)* и пр.).

Рассматривая различные приемы направления роста лозы (на дереве, на специальных подпорках, на шпалерах, в виде крытых аллей

из винограда и пр.), автор предложила весьма правдоподобную этимологическую интерпретацию болг. диал. *раки*, употребляющегося в сочетании *дигам на раки* 'поднимать [лозу] на раки'. *Раки* рассматривается здесь не как диал. форма от ржки 'руки', а отождествляется с болг. *ѣрѣк* 'столбик для лозы' (с. 51). В части подраздела, посвященной названиям различных частей виноградной лозы (с. 80–161), особое внимание уделено специфическим моделям номинации. Так, для названия ствола наиболее часто употребляется модель 'привитой (ствол)' > 'ствол виноградной лозы' (ср. болг. *чѣкор*, с. 81–88). При описании моделей номинации плодов виноградной лозы (с. 162–215), включающей, названия ягод, грозди, черенка грозди, виноградных выжимок, очень подробная проработка семантических деталей позволила в ряде случаев найти новые этимологические решения. Так, модель 'кольцо, петля' > 'стебель винограда' и 'виноградная гроздь': засвидетельствованная в рум. *ciorchine* и под. в значении 'гроздь (винограда или других ягод или цветов)' < нар.-лат. **circ(u)lina* (собираательная форма от *circulus* = *circulus* < *circus* 'кольцо'), а также такие формы, как словен. *penklja*, *pentlja*, *pentelja*, *petlja* 'стебель винограда', сербско-хорв. *petlja*, *peteljka*, *петелька*, *петельковина* 'пустой стебель винограда', болг. диал. *питељка* 'петля; маленькая, тесно сросшаяся гроздь винограда' < праслав. **peil'a*, позволила автору предложить нестандартную разгадку для темной глоссы Гезихия *κίρκωρα* τοῦς βότρυας. Учитывая наличие дублетных форм *κίρκος*: *κρίκος* 'кольцо', связанных с лат. *circus*, можно рассматривать *κίρκωρα*, первоначально обозначавшее 'кольцеобразный объект', как регулярный девербатив от **κίρκω* = *κίρκω* 'согнуть в кольцо', *κρίκω* 'закреплять с помощью колец'; последние две формы являясь деноминативами от *κίρκος*: *κρίκος* (с. 170).

В этом же подразделе содержится изящный этюд, в котором болг. диал. *срѣчки* 'гроздь винограда' толкуется как тождественное *сѣрѣчка*, *сѣрѣка*, *сѣрѣчка* 'сорока', отражающее древнюю ассоциацию виноградной грозди с птицей, реконструируемую на основе рисунка на античной монете из Маллоса с двумя голубями, тела которых изображены в виде виноградной грозди. Автор этой археологической находки Н. Сворнос интерпретировал данные фигуры как изображение созвездия Плеяд, которые в древнегреческом могли называться как *Βότρυς* 'кисть винограда', так и *Πελεῖδες* 'голуби, живущие на скалах'. Данная реконструкция позволила увидеть аналогичную связь птицы и виноградной кисти также в алб.

pupa rrushi 'гроздь винограда' при алб. *pupë* 'удол' (с. 181–182).

Второй раздел второй главы посвящен описанию наименований, связанных с технологическими процессами выращивания винограда и использующихся при этом инструментов. конкретнее – с закладкой виноградника (с. 220–278) и рутинной работой виноградарей (с. 280–409). Здесь описаны термины, связанные с разбивкой виноградника, выбором подходящего времени и места, подготовкой, вскапыванием и выравниванием почвы, разметкой места для посадки, приведены названия рядов, сажального колышка, ямок для посадки, посадочного материала и пр. Небезынтересен вскрытый автором случай сохранения в языке более древнего способа разбивки виноградника не на склоне холма. Анализируя довольно распространенное в болгарском языке выражение: *Що ти трябва на баир лозе?* букв. 'Зачем тебе нужен виноградник на холме?', т.е. 'Зачем тебе лишние заботы?', О. Младенова приходит к выводу, что здесь законсервирована древняя стадия расположения виноградника на ровной местности, предшествующая преобладающему сейчас способу его выращивания на склонах холмов (с. 225–226). Привлекает внимание и реконструкция праслав. **сєрѣ*¹ как варианта с носовым к **сєрѣ* – названия ростка, используемого для прививки, на основании рум. *сѣр* то же, при болг. *чєп* и словен. *сєр* (ср. важность румынского ресурса при восстановлении праслав. **smetana* на основании рум. *smântână*) (с. 308).

Третий раздел второй главы освещает терминологию, связанную с изготовлением вина, и включает следующие подразделы: технические приемы и инструменты (с. 409–576), хранение (с. 575–620) и сорта вина (с. 621–658). В первом подразделе, где собраны лексемы, описывающие процесс давки винограда, автор довольно подробно останавливается на рассмотрении глаголов. В частности рассмотрены глаголы, восходящие к и.-е. **trēp-* 'trippeln, trampeln, treten': греч. *τραπέω* 'давить сок из винограда' (уже у Гесиода), относящийся исключительно к винодельческой терминологии и алб. *shtyp rrushi* 'давить, выжимать' с менее специализированным значением. Что же касается дальнейшей истории греч. *τραπέω*, в средне- и новогреческом, то он был заменен глаголом *πατέω* с более общим значением 'ходить, топтать' (с. 414–415). Интересен переход в сферу виноделия некоторых терминов из области переработки

молока, в частности рум. *băitălău* (с. 427), *brighidău, mîtcă* (с. 430), *coteț, țarc*, сербско-хорв. *кош*, словен. *koš* (с. 453). Далее в этом разделе рассмотрены способы наименования сосуда для сливания сока, а также всего, что связано с процессом брожения и превращения сока в вино, винопития, названия виноградных выжимок, названий для красного, белого и других сортов вина, вкусовых и цветовых характеристик вина, сосудов для его хранения, вторичных продуктов виноделия (винный уксус, изюм) и пр.

Подытоживая проведенную, без преувеличения титаническую, работу, О. Младенова в третьей главе "Культурные зоны и взаимовлияния на Балканах по данным виноградарства" на основании данных диалектологии и смежных дисциплин выделяет несколько культурно-языковых ареалов, связанных с виноградарством. В Болгарии это: 1) северо-западная зона красного вина, характеризующаяся, помимо определенных материальных и культурных особенностей², употреблением таких лексических терминов как *п'л'оска, гмѣча, гмечка, винагя (винаге), шепѣлка (шипилка)*; 2) зона красного вина Мелик с такими терминологическими особенностями, как *шишка, крьбла, чѣкор, лозинка, гърга, гарѣгла*. Этот регион обнаруживает связи не только с греческим, но и с албанским и аромунским; 3) центрально-северная зона красного вина: *п'шка, постав, карда, прѣщина, самоток, главина, чукан*; 4) зона красного вина Памид-Мавруд: *чєбър*; 5) дунайская зона белого вина: 6) шуменская зона белого вина: *прѣщина* [объединяет с зонами 5 и 3], *делиборан, батал* [объединяет с зоной 7]; 7) варненская зона белого вина характеризуется сохранением прото-болг. *делиборан* и греческим заимствованием *аполин, апальон*; 8) зона белого вина Мискет, разделяющаяся на две подзоны: а) область Карлово: *п'шка, мингурчевузеланицѣ, уркѣ, майка* 'привитая лоза с двумя почками', *п'бирки*, б) красная зона Бургас – Сливен. В Румынии выделены 2 основные зоны: северо-западная и юго-восточная, в Албании – 4 (северная, центральная, юго-восточная и южная), Греция рассматривается как единый ареал, с указанием на некоторые отличия на Эгейских и Ионических островах.

В заключение исследованные термины разбиты на группы в зависимости от источника их происхождения: автохтонные, римско-латинские, греческие, славянские, турецкие, венгерские и германские.

¹ Так в книге, видимо, это опечатка и имеется в виду *сєрѣ*.

² За неимением места эти данные опущены при характеристике всех ареалов.

Отвлекаясь от собственно виноградарской специфики работы, хотелось бы отметить и специальное внимание автора к такой интересной и важной области как реконструкция так называемой дакославянской лексики по румынским данным. В частности, в книге предлагается целый ряд подобных этимологий, среди которых: рум. *boboc* 'почка на лозе' < дакослав. источника, продолжающего праслав. **bobъkъ* 'почка и пр.' (с. 136); рус. *lujer* 'побег, отросток, стебель' < дакослав. **lužerъ/*ložerъ*, восстанавливаемое на основе кашуб. *lągī* 'гибкий (о ветках)' < слав. **lqgъ* возможно 'дуга' с чередованием *q* : *u* (с. 102–103); рум. *rostocuță, răstăcuță* 'мушка дрозофила' < дакослав. **raztoka, *roztoka*, деривата **točiti*, ср. чеш. и словц. *roztoč* 'клещ' (с. 603); рум. *tescovină, tiscovină* и под. 'виноградные выжимки' < дакослав. **těskovina*

от **těskovati* (с. 505); рум. *mliat* то же < дакослав. **mletъ* от **melti* с изменением гласного корня по восточноболгарскому типу; рум. *cotor* 'нижняя часть лозы' < дакослав. **kotorъ* от **kotъ* 'нечто сплетенное' (с. 91; относительно последнего см., однако ЭССЯ 11: 211–212); рум. *corcan* 'древесная часть лозы' < дакослав. **kъrkanъ*, производного от праслав. **kъrčь/*kъrča*, чьи дериваты часто служат для обозначения узловатых стволов (с. 117; ср. ЭССЯ 13: 217–218).

Многие положения, касающиеся ареальных характеристик описываемых терминов, отражены на прилагаемых к книге 56 картах. Богатейшая библиография содержит более 500 позиций. Значительно облегчают пользование столь объемным произведением тщательно составленные лексические индексы по языкам.

И.А. Килужская